

УДК 234.2

«ЧУДО» В ПРЕДЕЛАХ И ЗА ПРЕДЕЛАМИ РАЗУМА *

С.П. Щавелев

Курский государственный медицинский университет

e-mail: sergei-shhavelev@mail.ru

В работе пересматриваются распространенные в современной гуманитарной литературе представления о чуде как онтологическом феномене. Подвергнуты критике религиозно-богословские толкования этого междисциплинарного концепта. Приводится авторская классификация взглядов на чудесные феномены. Уточняется место категории «чудо» в современной эпистемологии.

Ключевые слова: чудо, его типы и виды, богословские и рационалистические трактовки.

*«Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел — тогда
Ты наконец поверишь чуду».*

*А.А. Блок.
1912 г.*

Разноликий феномен

Чудо интересует всех – и широкую публику; и интеллектуалов (начиная с философов и кончая политиками, манипулирующими массовым сознанием); и узких специалистов, от гуманитариев (историков, этнологов, фольклористов) до самых что ни на есть естественников (вспомним хотя бы пресловутый антропный принцип в космологии и эволюционной биологии). Причём если всерьёз, непредвзято рассуждать о чудесных явлениях, нельзя игнорировать ни одной из названных ипостасей его восприятия. Во-первых, веры или же сомнений в реальности чудесного в общественном сознании (там духовная «родина» чудес, дающая нам эмпирический материал для его по возможности беспристрастного рассмотрения). Во-вторых, философского дискурса о чуде с позиций онтологии и эпистемологии. В-третьих, конкретно-научных данных о реальности, либо невероятности претендующих на чудесность событий в природе и истории общества. Ни один из названных субъектов «метачудесного» сознания не является его монополистом.

Переубедить друг друга носители соответствующих проекций одного и того же феномена культуры, конечно, не сумеют. В лучшем случае, мы обратим внимание представителей тех или иных направлений и уровней гуманитарных исследований на возможности феноменологического подхода к их любимому материалу. По крайней мере, цель настоящего очерка – попробовать освободить понятие и понимание чуда от кажущейся монополии догматического богословия и поделиться этой категорией с

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01018 «Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты».

философской теорией познания, конечно, неклассической. Современной эпистемологии предстоит заново аргументировать известный тезис житейского здравого смысла насчет того, что «чудес на свете не бывает». Точнее, не бывает в природе, где чудо выглядит синонимом чего-то статистически крайне маловероятного. Но не невозможного в смысле нарушения законов её, природы. Разумеется, известных нам (науке) на данный момент. В.И. Даль с этого и начинал русское определение чуда: «Всякое явление, кое мы не умеем объяснить по известным нам законам природы»¹. А вот в бытии социума и в личной жизни индивида некие их моменты приходится называть чудесными. И там, и тут остается место для философской рефлексии чуда².

Этимология «чуда»

Дословно чудо в лексическом родстве с удивлением. Чудесным выглядит нечто неожиданное, небывалое в прежнем опыте, казавшееся невозможным, исходя из него же и потому загадочное. Причём, даже после своего совершения чудо не становится «роднее», понятнее. Слышится в этом слове оттенок тайны. Наречие «чудом» означает «непонятно как, загадочно, необъяснимо». Наконец, этим же словом именуют и что-то в общем понятное, но редкое – по своему совершенству, небывало высокой степени развития. Так рассматриваемая лексема завершает смысловой круг, приходя к той же коннотации — увлекательного, поразительного, сказочного. Причем чудесное впечатление может варьироваться от привлекательного «чудно-дивного» через сомнительное, странноватое «чудное» до пугающего «чудища-страшилища»... «Чудесить» по-русски может значить и «мудрить», «хитрить» – и «дурить», «сумасбродствовать».

Между прочим, славянское *sudo* в языковом родстве с греческим «чудос», т.е. «слава, честь». А то, в свою очередь, уходит к индоевропейскому *a-kutis* – *умысел*, а также *учитель*, *мудрец*. Отсюда общеславянские производные слова – *чуть*, *чуют*, *чудесник*³. Главная же лингвистически и потому философски наиболее поучительная лексема тут – *чужой*. Например, «чудью» в древнерусской литературе звались не славянские, а балтские или финские племена (для славян необычные на внешний вид («чудь белоглазая»), непонятные по языку. А чужой, чуждый, помимо прочего, нуждается в изучении, более пристальном рассмотрении, чем свой, привычный и знакомый. Этот момент расширения опыта, пополнения знаний и звучит в отмеченном лингвистами познавательном оттенке чуда (чуют, чувствовать, узнавать). Узнавший же, знающий, в свою очередь, способен удивить остальных чем-то небывалым (чудесник). Репутация мудреца, многознатца и провидца – славная. Замыкается этимологический круг европейских значений термина.

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., «Русский язык», 1956. С. 612.

² Несколько известных мне новых работ на эту тему сводятся к реконструкции мистико-религиозных интерпретаций чуда: Твердовская Н.В. Философская рефлексия чуда в контексте европейской рациональности. Автореф. дисс. ... канд. филос. н. СПб., 1996; Сошинский С.А. Чудо в системе мироздания // Вопросы философии. 2001. № 9; Фрумкин К.Г. Теории чуда в эпоху науки // Эпистемология & философия науки. Т. V. 2003. № 3.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. Т. IV. СПб., «Азбука», 1996. С. 377–378.

Так язык со всей очевидностью выдает нам сущностные коннотации чуда – его редкость, маловероятность, доступность немногим избранным, во всяком случае не нам с вами... В сумме: некую запредельность чуда всему имеющемуся опыту.

Сохраняя общепсихологическую подоплёку сказочного «дива дивного», чудеса качественно меняются в призмах разных форм общественного сознания, которые лидировали на отдельных этапах развития культуры и цивилизации.

Без чудес: мифо-магическое «всесилие» архаичного сознания

«По религиозным и мифологическим представлениям, сверхъестественное явление, вызванное вмешательством божественной, потусторонней силы»⁴ – так определяет чудо общий словарь русского языка.

Историку, антропологу, просто путешественнику к отсталым народам Земли их жизнь представляется переполненной чудесами. Они ведь могут говорить с духами, заклинать промысловых животных, ещё что-то вещать в пророческом трансе. Всё это выглядит волшебным только на посторонний, ретроспективный взгляд. Изнутри архаичной мифологии чудесам не остаётся места. Для мифа ведь нет пределов возможному. Возможно всё, что способен помыслить шаман, маг, сказитель преданий. «Полёты» шамана в иные миры конечно впечатляют зрителей и особенно слушателей, но вера в их реальность, даже ожидаемость их результата как-то нейтрализует волшебность столь запредельность акций.

Среди принципиальных отличий мифологического сознания на первом месте находится, как известно, *антропоморфизм*, т.е. очеловечивание, олицетворение всего на свете (Мышление не по рационалистическому, научному принципу «Я – ОНО» в системе «человек / природа», а всегда «Я – ТЫ»). Мало что объективно зная об окружающем его мире, особенно по части его глубинных закономерностей и общих принципов устройства, мифологически мыслящий человек склонен проецировать на мир гораздо лучше знакомые ему – свои собственные качества. Как отмечал известный русский этнограф Л.Я. Штернберг, воспринимая окружающий мир, «первобытный человек имел только один достоверный критерий – его собственное «я». ... Идя таким образом от единственно хорошо ему известного (его «я») к неизвестному, он, естественно, должен был сознательно или бессознательно переносить на окружающее атрибуты своей собственной природы: одушевлённость, разумность, волю, активность – словом, мыслить природу по образу и подобию своему»⁵. В результате природа воспринималась и «объяснялась» по образу и подобию людей, их межличностных и коллективных отношений. Как человек, прежде всего глава патриархальной семьи, творец и распорядитель её жизни, обустроивал дом, усадьбу, уголья, так и олицетворение высших, космических сил – боги и герои творят целый космос и управляют течением событий во вселенском масштабе. Мифологический космос всегда выглядит глобализированной усадьбой рачительного хозяина, окружённой пустынными землями, где живут только разные чудовища, враждебные людям.

⁴ Словарь русского языка в четырех томах. Изд. 2-е / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. М., «Советская энциклопедия», 1984. С. 691.

⁵ Штейнберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнологии. Л., 1936. С. 125.

Зная порядок сохранения мира и своё собственное будущее по вечным мифам, носитель первобытного или архаичного сознания вряд ли воспримет понятие чудесного в его позднейшем величии.

Единственным чудом для носителей мифо-магического сознания остаётся возможность встречи с представителями, проявлениями другой цивилизации. Когда африканцы или индейцы впервые увидели белых людей, а затем их ужасные создания вроде огнестрельного оружия, затем самоходных повозок и даже самолётов. Хотя и для такого рода диковин в ряде случаев у аборигенов имелись некие легендарные предвидения.

Итак, первобытное и архаичное, пережиточное сознание «приручает чудеса», переводит их в смысловую противоположность – чего-то доступного в повседневности. Недаром историки науки называют магию ее непутёвой праплатерью...

Рождение чудес: религия и богословие

Чудеса рождаются вместе с более или менее развитыми религиями. Отделив сакральный мир от повседневного, переместив своих богов за пределы собственной жизнедеятельности, вера во всеисилие чего-то сверхъестественного расчищает место чудесам в массовом сознании. Когда клир отделяется от прихожан, и тем и другим требуется время от времени нечто чудесное, дабы подпитать свою веру в нечто неосоздаемое повседневно. Первобытный человек, современный дикарь живут вместе со своими духами и не нуждаются в чудесах для их ореализации. Верующий в богов или в Бога, напротив, предполагает всеисилие божества, однако понимает непредсказуемость этого субъекта за пределами опыта. Чудес ждут, их просят, выкупают у бесчисленных алтарей-жертвенников, никогда до конца не знают, дойдут ли молитвы о чуде до их адресата, соизволит ли он их удовлетворить.

На религиозной почве рождается первая группировка чудес – по основным направлениям веры в сверхъестественное и церковь как своего рода «главпочтамт» (или если угодно «Интернет») таких интенций. А именно:

- *чудо-богоявление* – явно исходное, потому что подтверждает надежду на все остальные возможные чудеса; строго говоря, те тоже являют собой милость бога, так что вся группировка выходит несколько условной; однако для верующего эпизоды богоявления (прямые – сам пророк, богоматерь, ангелы, т.п. представители горнего мира вдруг обнаруживают себя перед простыми смертными; либо косвенные, когда согласно божественной воле «плачут» иконы», на какой-то поверхности вдруг проступает божественный лик; и т.д., и т.п.);

- *чудесное спасение*, избежание разных опасностей для жизни и благосостояния верующих;

- как наиболее частотный и жизненный вариант предыдущего – *чудесное исцеление* от разного рода недугов;

- *чудесное превращение* – разумеется, грешника в праведника.

При беспристрастной проверке все эти «чудеса» распределяются на две категории: мошеннической фальсификации с тем или иным умыслом, либо невольного самообмана тех бедняг, кто без чудес выжить не мог.

Религия, как и её «старшая сестра» мифология, состоит в духовном родстве с философией и даже с их самой «младшей сестрой» – наукой потому, что все они стремятся сформулировать некие общие понятия и выводы относительно человека и мира, в котором тот живёт и действует. Каждая из названных сфер духовной

культуры помогает людям как-то справиться с абсурдом и безысходностью их существования. Однако у каждой из этих форм сознания свои *критерии достоверности используемого ими знания*. В науке (хоть в физике, хоть в истории) возможно убедительно для всех вменяемых желающих лиц установить те или иные факты (например, те, что вода состоит из водорода и кислорода, а князя Андрея Боголюбского убили заговорщики). В философии же и религии единых критериев истинности знания нет. Они обращены ведь к иного рода вопросам. Однако если к философии неприменимы эмпирические критерии, то применимы теоретические. Не факты, а логические аргументы позволяют нам выбирать ту или иную философскую интерпретацию как наиболее убедительную (скажем, материалистическое, идеалистическое или плюралистическое объяснение устройства природы или хода истории общества). Что касается религии, то здесь ни эмпирическое, ни теоретическое доказательства не внесут согласия – консенсуса. Допустим, историк докажет, что библейский Моисей на самом деле совершал те поступки, что описаны в соответствующих книгах Ветхого завета. Но как быть с утверждениями этого вождя еврейского народа о том, что сам Бог сообщал ему религиозные истины? Что сухой куст загорелся по воле бога, а не просто от удара молнии? Христос ходил по воде? Мохаммед летал на волшебном коне с одного континента на другой? А до них и то, и другое проделывал Будда? Обычным путём такие утверждения проверить нельзя. В них можно или верить (признавать), или нет (отрицать), или сомневаться (воздерживаться от окончательного вывода), или игнорировать. Сторонники всех этих решений могут спорить до бесконечности, но не переубедят друг друга. Что же, если религия недоказуема обычными путями, значит она в отличие от философии и от науки – просто «обман трудящихся»? Не будем спешить с выводами.

И наука, и философия стремятся к общим, типичным, закономерным сторонам бытия. Их не интересуют отдельные случайности, единичные образчики чего бы то ни было. Использование общих знаний рано или поздно, так или иначе позволяет улучшить жизнь множеству людей. Но человеку всего этого мало. Ведь каждый из нас и есть то самое единичное, неповторимое явление. Наука объяснит, допустим, почему и как погибают или исцеляются от разных болезней пациенты. Философия растолкует, как можно в принципе понимать счастье и горе. Но ни наука, ни философия не берутся объяснить данному человеку, почему именно он сейчас наслаждается или страдает, живёт или умирает. Здесь нет правил, принципов, законов. Есть более или менее осознанный выбор между целым спектром вариантов бытия и небытия. Речь идёт не о мелочах нашего быта, а о важнейших устоях личности, переломных пунктах на её жизненном пути. Осознанное человеком его собственное бытие можно назвать *экзистенцией* (лат. *exsistentia*). Согласно Мартину Хайдеггеру, экзистенция – это «бытие того сущего, которое открыто для откровенности бытия, в котором оно находится благодаря тому, что переносит её»⁶. Для усвоения такого рода экзистенциальных вопросов – быть или не быть? как быть? зачем именно так? – и предназначена религия (или её антипод – атеизм). Без осмысления этих вопросов жизнь быстро превратится в полный мрак и абсурд. Растает воля к жизни.

Только **личный духовный опыт как субъективное переживание некоего откровения** способен служить основанием для выбора той или иной разновидности веры (конфессии) или же неверия (свободомыслия). Верующий соотносит своё

⁶ Цит. по: Сафрански Р. Хайдеггер. Германский мастер и его время. М., «Молодая гвардия», 2002. С. 239.

внутреннее состояние с внешним поведением, поэтому его вера по-своему реальна. Соответственно, иные душевные переживания поведут кого-то к отказу от *религиозной* веры. Поэтому навязать веру или безверие со стороны весьма затруднительно, особенно для психически здорового человека. Но отрицать реальность искренней веры вообще не приходится. Случаи ханжеского притворства здесь рано или поздно разоблачаются несоответствием декларируемых взглядов и поступков (Вспомним бессмертный образ мольеровского Тартюфа и тому подобных лицемеров).

Понятие священного (сакрального) вообще-то шире религии. Священными, то есть предельно ценными для человека, обычно являются не только боги и храмы, но и родство, родина, здоровье, богатство, удача и много чего ещё в жизни и культуре. Но эти понятия тесно взаимосвязаны: именно религия социализирует, упорядочивает потребность людей в поклонении чему-то высшему, запредельному по отношению к их житейскому миру. Но чудо в рамках религиозного сознания вовсе не означает легитимизации данного феномена вовне конфессиональности.

Субъект чудес: бог?⁷

Главное в большинстве религий – **идея бога**. А богом, если разобраться, в различных религиозных системах считается некое совершенное и всемогущее, извечное и надмирное начало, выступающее суммой идеалов верующих людей в отношении самого человека, общества и природы.

Вопрос о том, существует ли бог или нет, представляет собой типичную философскую проблему. Её вряд ли возможно разрешить эмпирическим путем. *Доказательства бытия божия* часто пытаются основать на якобы фактах – откровениях и чудесах. *Откровение* предполагает, что бог порой являет (открывает) себя смертным (иудеи верят, будто Яхве встречается с Моисеем на горе Синай, чтобы передать ему скрижали с 10 заповедями; мусульмане в то, что Аллах разговаривал с Мухаммедом; а христиане в появление погибшего на кресте и похороненного Христа перед его учениками-апостолами). *Чудеса разного рода* в глазах верующих нарушают научно установленные законы природы ради того, чтобы помочь людям, выручить их из беды, подсказать им что-то важное. Однако никакой проверке, критическому взгляду ни случаи откровения, ни чудеса не поддаются. Для любого здравомыслящего человека они представляют собой или тонкий обман, подлог, или же самообман, иллюзию. Повторить эти эпизоды при беспристрастном контроле просто невозможно. Так что эмпирические (опытные) подтверждения божества несостоятельны, что называется, по определению.

Богословы – представители иудаизма, христианства и, отчасти, ислама рассматривают бога как вечное, бесконечное и никем не сотворенное Сущее, творца нашего мира и нас самих. Среди поклонников разных религий преобладает *слепая вера в бога*. Она или не требует никаких аргументов, или заменяет их словами о пользе такой веры и о губительности неверия. Логики и вообще смысла в таких заверениях не содержится. Приводимые их апологетами единичные примеры спасения, исцеления, либо, напротив, кары за грехи, никак нельзя проверить или объяснить иначе, чем простой случайностью, сочетанием обстоятельств, или же преднамеренным мошенничеством, фальсификацией.

⁷ Орфографическое правило писать слово «бог» с заглавной буквы сегодня выглядит пережитком синодальной практики и имперской политики.

Разговор о боге надо перевести из области внешнего событийного опыта в сферу разума. Мыслители разных времен и народов стремились привести доказательства бытия божия. В европейской традиции философствования их накопилось, как известно, пять.

Космологическое доказательство имеет в виду, что раз наш физический мир (космос) существует, то его кто-то должен был создать. Такое вечное и, безусловно, необходимое бытие материалисты называли природой, а теологи – богом. Критики такого вывода обращали внимание на то, что у божества, по идее, в свою очередь должна быть причина; бог сам от чего-то произошел. Так что данное доказательство создает порочный круг в логическом рассуждении, и поэтому не может быть принято всерьёз.

Телеологическое доказательство опирается на целесообразность устройства нашего мира (греч. telos – цель), где одно сопряжено с другим довольно разумно. Отсюда делается вывод, что какая-то мудрая сила позаботилась о столь гармоничном устройстве природы. Правда, за рамками богословского телеологизма остаются всевозможные катастрофы и прочие моменты полного хаоса, абсурда как в природе, так и в общественной жизни. Не слишком убедительно выглядит попытка объяснить наличие зла и страданий в мире божеским наказанием за всевозможные грехи людей (включая ни в чем ещё неповинных младенцев и взрослых праведников). Бог тогда выходит неким злым надсмотрщиком над нами – его рабами.

Онтологическое доказательство сформулировал один основоположников католической философии Ансельм Кентерберийский (1033-1109). Он считал общие понятия (универсалии), вроде истины, добра, красоты, существующими реально и, более того, порождающими соответствующие качества вещей. Поскольку понятие бога мыслится его поклонниками как абсолютное совершенство, то нелогично будет отказать ему в таком атрибуте, как бытие, реальное существование. Философы Нового времени стремились уточнить такое доказательство. Р. Декарт подчеркнул, что мы не можем представить себе идею бога без представления об его реальном существовании. Г.В. Лейбниц добавил к этому такое соображение: бог должен существовать, если в понятии о нём нет внутреннего противоречия, а этого последнего не может быть потому, что богу нами приписываются одни только совершенства. Тем не менее, и этому доказательству не удастся убедительно перейти от субъективной сферы человеческого мышления к объективному бытию мира. Формальное обоснование идеи бога ещё не означает появления бога на самом деле. Как шутил И. Кант, моя мечта о деньгах не зазвенит в кармане серебряными монетами. А совершенство универсума – вещь довольно спорная.

Историческое доказательство отражает тот факт, что все народы мира поклоняются каким-то богам, имеют религию. Откуда могло повсеместно взяться представление о боге? Ведь человеческое сознание, тем более первобытное, несовершенно и ограничено. Идея всесовершенного существа могла быть сообщена всем людям Земли только самим богом... На самом деле религиозные верования разных племен и народов настолько различны, столь причудливы и во многом примитивны, что логичнее объяснить появление и существование религии, наоборот, ущербностью и незащищенностью человека перед лицом грозных сил природы и общества. Тем паче, что с древности и до наших дней среди людей то и дело встречаются еретики, безбожники и безразличные к вопросам веры лица, причём в немалых количествах.

Моральное доказательство предложил И. Кант, предварительно раскритиковав все предыдущие доказательства как несостоятельные с точки зрения

разума. Согласно анекдотической легенде, соответствующую лекцию профессора Канта подслушал его старый слуга, отставной солдат Лямпе. И со слезами на глазах попросил хозяина не убирать бога совсем, оставить его людям. Вот Кант и придумал новое доказательство. Применительно к последнему прибежищу бога – морали – мыслитель из Кёнигсберга имел в виду, что людям присуще сознание всеобщего и неизменного нравственного закона. Сам человек не способен согласовать противоречащие друг другу требования нравственного долга и стремление к счастью. Равновесие между полюсами долга и счастья может установить лишь инстанция высочайшей нравственности, а именно бог. Проще говоря, люди нуждаются в боге как верховной инстанции оценки их поступков, своего рода беспристрастного судьи их доблестей и грехов. Ведь никто из смертных, даже праведники из праведников, именно в силу своей праведности не должны претендовать на источник всеобщей морали. Припомним знаменитый диалог персонажей романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», который они вели жарким летним днём в час заката на Патриарших Прудах Москвы:

«– ... Позвольте Вас спросить, как же быть с доказательствами бытия, доказательствами, коих существует ровно пять? – осведомился иностранец крайне тревожно.

– Увы, – ответил товарищ Берлиоз, – ни одно из этих доказательств ничего не стоит. Их давно сдали в архив. В области разума никаких доказательств бытия Божия нету и быть не может.

– Bravo! – вскричал иностранец. – Bravo. Вы полностью повторили мысль старикашки Иммануила по этому поводу. Он начисто разрушил все пять доказательств, потом, черт его возьми, словно курам на смех, вылепил собственного изобретения доказательство!

– Доказательство Канта, – ответил, тонко улыбаясь, образованный Берлиоз, – также не убедительно, и не зря Шиллер сказал, что Кантово доказательство пригодно для рабов...»⁸.

Попробуем развить (популяризировать) кантовский подход к идее бога. Наука постигает законы, принципы, начала, но она бессильна предсказать, а не то что предопределить траекторию такой песчинки мироздания, каков человек и даже целые общества, цивилизации, затерянные на краткий миг в бескрайних пучинах Космоса, то и дело поглощаемые им без малейшего следа. Куда подевались миллионы поколений наших предков? Пара экспонатов в музее – ничтожный итог их жизни и деятельности. Более того, и в те моменты, когда природное бытие людей относительно устойчиво, они то и дело допускают невиданную в живой природе внутривидовую агрессию: убийства, войны, прочие насилия и авантюры. Религия более или менее успешно пытается противостоять этим тёмным сторонам, ужасным провалам человеческого духа и поведения. Так, учёный медик объяснит пациенту этиологию и патогенез его заболевания, перечислит факторы риска, однако никакая наука не объяснит, почему именно этот пациент попал в число заболевших и должен страдать, а скоро совсем уйти в мир иной, а точнее – в небытие. А молитва художественно облегчит пациенту и его близким переживание смертельного риска. Пускай это паллиативное облегчение; лучше такое, чем никакого. Образно говоря, та или иная вера в того или иного бога представляет собой некий духовный наркотик, болеутоляющее средство («опиум народа», согласно К. Марксу), только не для тела, а

⁸ Булгаков М.А. Собр. соч. в восьми томах. Т. 5. Мастер и Маргарита. СПб., «Азбука», 2002. С.6.

для души. «Горько-сладкий яд», «культурный невроз», как говаривал доктор З. Фрейд. Не случайно большинство людей вспоминают о религии только тогда, когда у них где-то заболит (под бомбами или перед ножом хирурга все или почти все люди начинают молиться).

Как бы там ни было, этическая трактовка религии в духе И. Канта представляется сегодня единственно возможной с точки зрения светской философии и науки. Религия в роли катализатора нравственности – усмирителя разнузданных инстинктов выглядит убедительнее, нежели при её сопоставлении с наукой или философией с их гордым вызовом природе вещей.

Вот как зарифмовал этот вывод замечательный ленинградский поэт Александр Кушнер в кантианском стихотворении:

«... Бог – это то, что не в силах пресечь камнепад,
В каплях блестит, в шевеленье живет и в накрапах.

То есть его, говоря осмотрительно, нет
В онтологическом, самом существенном смысле.
Бог – совершенство, но где совершенство? Предмет
Спора подмочен, и капли на листьях повисли.

Старому Лампе об этом не скажешь, бедняк
В боге нуждается, чистя то плащ, то накидку.
Бог – это то, что, наверное, выйдя во мрак
Наших дверей, возвращается утром в калитку».

Но и преувеличивать морально-нравственное значение религии и тем более церкви не стоит. В прошлом мировые религии сыграли свою полезную роль, сделав общественные нравы более гуманными, чем среди язычников. Однако переделать людскую натуру религия не в силах. Она помогает людям выйти из критических ситуаций, но они повторяются снова и снова вечно. Смешно изображать бога неким злобным надсмотрщиком, день и ночь следящим, куда пошёл каждый «муравей» на отдалённой планете нашей Галактики, чем этот муравей питается, с кем спит и так далее. Кроме верующих, всегда встречались свободомыслящие в религиозных вопросах люди. Они искали путь к истине и добру помимо идеи бога и нередко находили такой путь.

Получается, что бога нельзя доказать логически или эмпирически, а можно только воображать и переживать эмоционально. Таков итог непредвзятого анализа религиозно-богословского феномена чудес.

Расколдованное чудо: индустриальный социум как сам себе «волшебство»

Рождение настоящей науки в лице классического естествознания и сопутствовавшей этому рационалистической философии прерывает монополию религии и церкви на фабрикацию и расфасовку чудес. Скептики (в лице прежде всего Д. Юма и Вольтера) весьма убедительно для всякой не слишком предубежденной аудитории свели так называемые чудеса к обману или к самообману. Корысть и простодушие – вот истинные «корни» всевозможных чудес массового обыденного сознания.

Тот факт, что от века к веку, в том числе в наше время и в нашей стране не только «простые», а проще говоря – убогие люди верят в чудеса, но и довольно многие представители вроде бы образованных классов общества верят или делают вид, что верят не в то, что Бог пошлет им хорошего врача и необходимое лекарство, но исцелит хвори именно чудесным образом, нисколько не колеблет предлагаемой типологии чудесного. «Просто» понятие образования деформируется в культуре под натиском всех прочих ее тектонических сдвигов на пути к постиндустриализму и постчеловечности (в духе Ф. Фукуямы).

Но разоблачение церковных чудес, надо признать, предельно примитивных (и потому именно, наверное, таких живучих для консервативного массового сознания) – не единственное и даже не главное последствие обсуждаемого феномена культуры. Для внерелигиозных субъектов, прежде всего учёных исследователей, это понятие тоже имеет значение, только внерелигиозное (Тут надо оговорить, что один и тот же человек как ученый способен отрицать вульгарные чудеса в предмете своих академических занятий и одновременно признавать нечто чудесное в своей же жизни как обывателя). Чудо в рамках научного сознания лежит за пределами той или иной его собственной парадигмы (в смысле Т. Куна). Незвезданная пока область реальности по определению полна чудес, т.е. чего-то невысказанного, невозможного в рамках старой парадигмы. Отсюда популярная фраза Н. Бора о сумасшедших теориях.

Но и внутри некоей парадигмы научного исследования отыщется местечко для чудес. Оно прячется в уже упоминавшейся области маловероятного, пренебрежимого для ожиданий ученого. Но все же принципиально не то, что возможного, но не исключаемого, в принципе теоретически допустимого с точки зрения уже открытых наукой ее законов. Время от времени столь редкостный эффект вдруг да достигается на практике (наблюдения или эксперимента). Примерами могут служить неожиданные находки вроде бы окончательно вымерших существ (вроде кистеперой рыбы-целаканта – но никакого не «снежного человека»⁹ или живого динозавра...). Но в этом пункте наука тоже похожа на свою отдаленнейшую предшественницу магию — ученые мгновенно переводят «чудесное» открытие в частный случай в принципе возможного. А в то, что возможно всё на свете мыслимое, верят только представители паранауки. В настоящей (сегодня) науке есть только познанное, познаваемое пока что гипотетически и еще непознанное (но уже тематизированное в качестве проблемы). Куда же на такой скорости научной мысли деваться чуду?

Философский концепт чуда

Всё сказанное вовсе не отрицает признания чуда, только не в ортодоксально-религиозном и не в конкретно-научном, а в философском смысле этого слова. Если в природе чудес как таковых не бывает, а в области слепой веры чудеса нетрудно выследить и истребить силой разума, это не значит, что чуду больше негде угнездиться. Эпистемологическое убежище чуду предоставляет вненаучное знание. На его границах – в области этики, эстетики, вообще аксиологии – приволье всему чудесному. Правда, лишь в эмоциональном, субъективно-личностном смысле данного термина. Чудо – удел человеческой свободы, бросающей вызов тотальной детерминации космоса и частичной детерминации социума. Когда знания

⁹ Генетическое исследование шерсти предположительного «йети» обнаружило его родство с ископаемым медведем. Что-то похожее всегда предсказывали скептические исследователи этой темы.

недостаточно или оно вовсе не нужно, тогда его дублирует чудо как синоним субъективного, ничем не обусловленного извне выбора. Так получаются чудеса родства, любви, дружбы, надежды и всех прочих недетерминированных, но онтологически укорененных в жизнебытии людей реалий этой самой жизни. Чудо, получается, не что иное, как непредсказуемый результат эволюции природы и, главное, последующей культуры. Короче говоря, чудо придумал сам человек для объяснения себе лично чего-то необъяснимого всем другим.

Итак, философии пора вывести понятие чуда из области религии и богословия. Однако отрицать чудо в духе классического скептицизма сегодня уже не актуально. Надо рационализировать чудо в рамках неклассической теории познания. В таком случае всё чудесное в жизни личности и культуре социума можно объяснить с помощью понятий веры, надежды и любви. Тогда в природе чудесное будет равно предельно редкому или же принципиально возможному в будущем. А вовсе не беспричинному нарушению законов природы, во сто верит измученное массовое сознание да зомбированное сознание клерикальное.

Список литературы

1. Булгаков М.А. Собр. соч. в восьми томах. Т. 5. Мастер и Маргарита. - СПб., «Азбука», 2002. - С.6.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. - М., «Русский язык», 1956. - С.612.
3. Сафрански Р. Хайдеггер. Германский мастер и его время. - М., «Молодая гвардия», 2002. С. - 239.
4. Словарь русского языка в четырех томах. Изд. 2-е / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. - М., «Советская энциклопедия», 1984. - С. 691.
5. Сошинский С.А. Чудо в системе мироздания // Вопросы философии. 2001. № 9.
6. Твердовская Н.В. Философская рефлексия чуда в контексте европейской рациональности. Автореф. дисс. ... канд. филос. н. - СПб., 1996.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. Т. IV. - СПб., «Азбука», 1996. - С. 377–378.
8. Фрумкин К.Г. Теории чуда в эпоху науки // Эпистемология & философия науки. Т. V. 2003. №3.
9. Штейнберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнологии. - Л., 1936. - С. 125.

«MIRACLE» IN AND BEYOND THE REASON

S. P. Shchhavelev

Kursk state medical university
e-mail: sergei-shhavelev@mail.ru

The paper revises representation of the miracle as an ontological phenomenon. It criticizes the religious-theological interpretation of this interdisciplinary concept. The author's classification provides special views of the phenomenon and specifies place of the category of a miracle in modern epistemology.

Keywords: miracle, its types and forms, theological and rationalistic interpretation of miracle.
